

Д.Д. Нимаев

Институт монголоведения, буддологии и тибетоведения БНЦ СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: l_imhel@mail.ru

ДАУРЫ И БАРГУТЫ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В статье выдвинуты предположения о том, что Забайкалье примерно до середины XVII в. было частью ареала обитания средневековых дагуров (дауров). Отстаивается тезис о прибайкальской прародине «старых» баргутов, выявляются причины и время их исхода с исконной территории проживания. Ставится вопрос о роли дауров и баргутов в формировании коренного населения Прибайкалья, выявляются их следы в местной топонимии.

Ключевые слова: этническая история, миграция, русские служилые люди, дауры (дауры), баргуты, Забайкалье, Баргузинская долина.

Введение

Сравнительные историко-этнографические исследования отдельных этнических общностей или групп открывают широкие возможности для более углубленного изучения как различных аспектов материальной и духовной культуры, так и этнической истории. Объектами настоящего исследования являются малочисленные этносы Китая дауры (дауры) и баргуты. Такой выбор обусловлен двумя важными причинами. Во-первых, названные этнические общности на протяжении довольно длительного времени проживают на смежных территориях, местами чересполосно. Во-вторых, в их этнической истории имеется общий прибайкальский этап. Последнее обстоятельство особенно интересно и выбрано в качестве основной темы нашего исследования.

Собственно проблема этногенеза дагуров стала специально изучаться в российском востоковедении лишь в последние годы. Например, сегодня разработкой данной темы целенаправленно занимается бурятский исследователь Б.Д. Цыбенков [2006а, б; 2007а, б]. Большинство же работ отечественных авторов посвящено характеристике лексико-грамматических особенностей дагурского языка [Поппе, 1930;

Тодаева, 1986; Бадагаров, 2000; Бадмаева, 2004; Рассадин, 2004]. Описание некоторых обычаев и обрядов дагуров дано монгольским этнографом Ц. Хандсурэнгом [1974].

Мы оставляем за рамками этой работы все сложные вопросы, связанные с происхождением дагуров. Ограничимся лишь указанием, что к настоящему времени большая часть ученых придерживается версии о преимущественном участии киданьского этнического компонента в их формировании. Основные аргументы, выдвигаемые в пользу данной теории, можно свести к следующему. Весьма вероятной представляется связь этнонима *дагур* с названием одного из ведущих родовых подразделений киданей – *дахэ*. Анализ имеющихся материалов позволяет говорить и о языковой близости дагуров и киданей. Дополнительные и весьма интересные факты приведены в пользу данной версии китайскими генетиками (см.: [Цыбенков, 2006б]).

Вопросы происхождения баргутов затронуты в работах Ж. Томорцэрэна [1971], В.И. Рассадина [1989], Д.Д. Нимаева [1993].

Основными источниками для нашего исследования послужили опубликованные архивные и литературные материалы, а также фольклорно-этнографические

сведения, собранные во время наших экспедиционных поездок в Хулун-Буирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия КНР в 1990-х гг.

Дауры в Забайкалье

В рамках данной статьи в отношении дагуров лишь акцентируется вопрос о возможности существования прибайкальского (забайкальского) этапа в их этнической истории, который до сих пор оставался вне поля зрения этнографов. Безусловно, постановочный характер проблемы предполагает необходимость ее дальнейшей разработки.

Дауры (дагуры) компактно проживают в КНР на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия и пров. Хэйлуцзян, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района (ок. 4 тыс. чел.). Общая их численность составляет примерно 120 тыс. чел.

Предположение о пребывании дагуров в Забайкалье основано на следующих фактах. Прежде всего, представляет интерес одно сказание, записанное Б.И. Панкратовым [1999]. В нем повествуется о том, что дауры в свое время входили в племенной союз, который возглавлял некий Сааджигалди-хан. Этот хан потерпел поражение в войне с соседями и был вынужден уйти на запад. Уходя, он увел с собой большинство своих подданных, а на покинутых кочевьях оставил только самых слабых и тех, кто боялся долгого пути, поручив им охранять могилы предков. В предании ничего не говорится о том, какая судьба постигла Сааджигалди-хана и его подданных. Для решения вопроса о месте прошлого расселения дагуров могут представлять интерес строки одной старинной песни:

Происхождение будха-хошуна
Имеет свои истоки у Байкала.
С насиженных мест спустившись,
Поселились в степи Байгар*.

(Цит. по: [Там же, с. 133–134])

Выходит, часть дагуров в силу неблагоприятно сложившейся этнополитической ситуации, вероятно, в результате распада империи Ляо, была вынуждена мигрировать в более западные районы и в течение достаточно продолжительного времени проживала на территории современного Забайкалья. Напрашивается вопрос: почему именно в Забайкалье?

Согласно «Краткой географической энциклопедии», Забайкалье и частично Приамурье до XVII в. назывались Даурией [1960, с. 524]. Правда, в этом издании не сказано, когда данная территория получила

такое наименование. Там же указано, что после XVII в. оно сохранилось главным образом за Забайкальем. При этом выделяются Байкальская Даурия, от Байкала до Яблонового хребта, и Селенгинская Даурия – южная часть Байкальской к востоку от р. Селенги. Аналогичное определение приводится в «Большой советской энциклопедии» [1972, с. 562].

Имеется несколько работ, преимущественно научно-популярного плана, под одинаковым названием «Селенгинская Даурия». Однако ни один из авторов, похоже, не задавался целью разобраться в происхождении названия. Как писал В.В. Птицын, «с древности эта страна называлась Даурией, по имени коренных её обитателей, бурят, называемых и поныне Даурами от своих соседей, тунгусов и ороchon. От русских она получила официальное название Забайкалье или Забайкальская область... Вся Даурия, растянувшаяся на тысячу верст от Байкала до Витима, до Аргуни и китайской границы... разделяется по середине, параллельно с Байкалом огромным, непроходимым, почти не исследованным Яблоновым хребтом, отделяющим Даурию Прибайкальскую от Нерчинской Даурии» [1896, с. 1]. Прибайкальскую Даурию Птицын разделял на северо-восточную, Витимскую, и юго-западную, Селенгинскую, куда включена долина Селенги с ее притоками – реками Уда, Хилок, Чикой, Джида, Темник [Там же, с. 1–4]. Почти аналогичным образом определял границы рассматриваемой области И.А. Рукавишников. Исходя из прежних административных делений, он включает в нее Оронгойскую, Селенгинскую, Армакскую, Закаменскую, Чикойскую волости; Янгажинскую, Селенгинскую, Боргойскую, Гигетуйскую, Аракиретскую, Мурочинскую, Кударинскую, Шерагольскую, Цаган-Усунскую, Урлукскую станицы [Рукавишников, 1923, с. 3]. В.А. Обручев ограничился в основном геоморфологическими характеристиками края: «В Селенгинской Даурии пространство, занятое горами и холмами, вообще возвышенностями, в несколько раз превосходит пространство, занятое низменностями, которые приурочены исключительно к долинам сравнительно нешироким. Горные хребты в Западном Забайкалье поднимаются в большинстве случаев до 1500 и более метров над уровнем моря, а долины крупных рек, где расположены основные массивы сельскохозяйственных земель и большинство населенных пунктов, находятся на высоте 500–700 м» [1929, с. 5].

Конечно, данное географическое название не могло возникнуть из ничего, оно, безусловно, связано с этнонимом *дауры*. Так, согласно отпискам ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова за сентябрь 1641 г., «живет... вверх по Витиму реке даурский князец именем Ботога с товарищами... а живет де он, Ботога, на Витиме реке на усть Карги реки, на одном месте улусами, а юрты де, государь, у того князца Бо-

* *Байгар-тала* – название степи, которая простирается между реками Нонни и Ганн в КНР.

тоги рубленые, и скота де, государь, у того князца Ботоги всякого и соболя много, и серебра де у него есть, а то де, государь, он серебро Ботога и камни покупает на Шилке реке у князя Ловкоя, от Ботоги де, государь, вверх по Витиму реке и до Яравна озера по обе стороны Витима реки даурские конные многие люди, а бой де у них лучшей, а язык де, государь, у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходится» [Сборник документов..., 1960, с. 38]. Больше о даурах в Забайкалье, насколько известно, нет каких-либо сведений в русских документах того времени. Следующие сообщения о даурах содержатся в донесениях казацких атаманов Максима Перфильева, Василия Пояркова, Ерофея Хабарова во время их похода в бассейн Амура в 1643 г.: «...а Умлекан пала в Зию с правую сторону, а людей по ней нет, а на усть той речки Умлекана живут дауры пашенные...» [Дополнения..., 1848, с. 164]. Таким образом, примерно в середине XVII в., после первых контактов и столкновений с русскими казаками, дауры двинулись в сторону своих прежних мест обитания в Приамурье. Заметим, что в источниках не отражено возникновение каких-либо особо конфликтных ситуаций между даурами и русскими казаками в пределах Забайкалья.

Баргуты

Этнические общности, именуемые баргутами, в настоящее время компактно проживают в пределах современного Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Они делятся на *хуушан барга* и *шэнэ барга*, т.е. на «старых» и «новых» баргутов. Численность первых можно определить в пределах 10 тыс. чел. Они образуют один самостоятельный хошун, центром которого является г. Баян Хурэ. «Новые» баргуты составляют два *хошуна*: *Шэнэ Баргын Зуун хушуу* – «Восточный хошун Новой Барги» (центр – г. Амгалан-Булаг) и *Шэнэ Баргын Баруун хушуу* – «Западный хошун Новой Барги» (центр – г. Алтан-Эмээл). Их численность достигает примерно 20–25 тыс. чел.*

Природно-географические условия края в целом такие же, как на территории этнографической Бурятии**. Здесь можно встретить и степи, подобные агинским, и лесостепь, и горную тайгу. Соответс-

твенно, животный и растительный мир схожи с фауной и флорой Прибайкалья.

Хозяйство баргутов, как и у большинства монгольских народов, основано на традиционном занятии – скотоводстве. Каждое семейство или группа родственников ведет свое хозяйство самостоятельно. В наиболее крупных из них количество скота достигает нескольких сотен, а то и тысяч голов. Довольно широко распространена механизация труда, ибо в Китае выпускается достаточно сельскохозяйственной техники, приспособленной к нуждам малых хозяйств.

Важным и не до конца решенным является вопрос о происхождении и вероятной прародине баргутов. В отношении «новых» баргутов ситуация выглядит более определенной. Анализ их языка и родоплеменного состава не оставляет сомнений в том, что они единого происхождения с бурятами-хоринцами и отделились от последних относительно недавно. Согласно имеющимся данным, в 1735 г. из Халхи в Хулун-Буир прибыла новая группа монголо-бурят, которых стали называть *шэнэбарга* в отличие от старожилов [Кормазов, 1928, с. 45; Меньшиков, 1917, с. 36]. Этими бурятами могли быть только хоринцы. Как известно, после окончательного закрытия русско-монгольской границы по условиям Кяхтинского договора 1727 г. часть из них, не сумев воссоединиться со своими сородичами в России, осталась на монгольской стороне. Данное историческое событие отражено в письменных памятниках бурят XIX в. [Летописи хоринских бурят, 1935, с. 19; Летописи селенгинских бурят..., 1936, с. 4–5]. Тот факт, что новых пришельцев нарекли именно *шэнэбарга*, можно рассматривать как дополнительное свидетельство в пользу былой этнокультурной общности между хори-бурятами и баргутами.

Следовательно, нас будет интересовать историческая судьба «старых» баргутов. Вполне понятно наличие в их языке достаточного количества китаизмов и маньчжуризмов. В целом же речь старобаргутов обнаруживает довольно сильное влияние шилингольского диалекта, принятого за основу литературного языка монголов Внутренней Монголии. Однако в этногенетическом плане для нас более важным представляется наличие в языке старобаргутов ряда черт, сближающих его с говорами ольхоно-кударинских и баргузинских бурят. Таково, например, употребление заднеязычного спиранта [x] вместо фарингального [h]: (*ухуу/уһан* «вода», *сахaa/саһан* «снег», *хар/һара* «месяц» и т.д.), а также характерного аффикса-уун/-уун (*дзагуу/загаһан* «рыба», *давуу/дабһан* «соль», *сааруу/саарһан* «бумага» и т.д.). На основании анализа языковых материалов В.И. Рассадина сделал следующее заключение: «В древние времена, задолго до Чингис-хана часть монгольских племен устремилась на запад. С этими племенами ушла и часть баргу-бурятских родов. Они

*Приведенные здесь статистические данные по баргутам получены в Комитете по делам национальных меньшинств при аймачном исполкоме (г. Хайлар) и в ходе наших бесед с информаторами; они отражают ситуацию начала 1990-х гг.

**Под этнографической Бурятией подразумевается территория традиционного расселения бурят, т.е. Иркутской, Читинской областей и Республики Бурятии.

ушли на север и расселились в Прибайкалье. В XII в. к ним присоединились бурятские кочевые племена. Оставшиеся на родине баргу-бурятские племена стали основой старых баргутов» [1989, с. 175–176]. Как явствует из сказанного, исследователем отстаивается гипотеза об автохтонности старобаргутов на ныне занимаемой ими территории. Однако совокупность имеющихся фактов дает нам возможность для иной интерпретации рассматриваемой проблемы.

Из письменных источников средневековья доподлинно известно, что в пределах современного Прибайкалья обитали представители довольно крупной этнической общности, известной как баргуты. По свидетельству, например, Рашид-ад-Дина, «их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища находятся... на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [1952, с. 121–122]. Как следует из того же контекста, к числу баргутов еще относились такие племена, как хори, тулас, тумат. На основании сказанного можно заключить, что данный этноним первоначально представлял собой обобщенное наименование целой группы различных племен, обитавших в относительно отдаленных и труднодоступных горно-таежных районах, чему не противоречит и семантика названия. Это топоним, возникший, очевидно, в среде скотоводов-степняков.

Отметим, что не встречал возражений в кругу исследователей и тезис о возможности сопоставления имени *баргут* («грубый, невежественный») с тюркским *байырку* («древний, патриархальный») [Цыдендамбаев, 1972, с. 279; Юдахин, 1985, с. 99]. Название племени байырку неоднократно упоминается в древнетюркских рунических письменах и хрониках Танской династии как байегу. Согласно известиям китайских хронистов, обычаи байегу «по большей части сходствовали с тийелескими, в разговоре была небольшая разница... страстно любили звериную ловлю» [Бичурин, 1950, с. 343–344]. Что касается скотоводства, то есть лишь указание о разведении ими коней. Можно предполагать также наличие у них относительно развитой земледельческой культуры [Там же; Малявкин, 1989, с. 142]. Таким образом, хозяйственно-культурный облик байырку вполне сопоставим с таковым баргутов последующего времени.

Спорным остается вопрос о территориальной локализации байырку/байегу. Б.Р. Зориктуев, например, считает, что они расселились по всему Западному Забайкалью, и предлагает археологическую культуру послехуннского времени на этой территории «условно называть культурой байырку или баргутской» [1993, с. 123]. Сходной позиции придерживается П.Б. Коновалов, который склонен связывать многочисленные могильники в Южной Бурятии, датируемые VIII–XIV вв. и именуемые «раннемонгольским погребаль-

ным комплексом», с общностью баргутов (байырку, байегу) [1993, с. 9–10]. По выкладкам Ю.С. Худякова, «на западе земли байегу простирались до оз. Хубсугул и верховьев р. Селенга, а на восток – до Хэнтэя и верховьев Шилки и Аргуни, охватывая северные районы современной Монголии» [1989, с. 29].

Мы в решении данного вопроса исходим из того, что границы владений байегу не оставались неизменными на протяжении всей их политической истории. В источниках изучаемого периода байегу неоднократно упоминаются в числе племен, принимавших активное участие в событиях, имевших важные последствия для военно-политической обстановки в Центральной Азии и сопредельных регионах [Малявкин, 1980, с. 114, 117, 119, 120, 124]. В некоторых источниках пишется о «девяти байырку» (*есон байырку*) [Шинэхуу, 1980, с. 34], что можно рассматривать как свидетельство их возросшей мощи и влияния к этому времени. Очевидно, именно в период существования названной коалиции байырку ими был убит известный в истории тюркский предводитель Мочжо (Капаган-каган). Как подтверждение сказанному можно рассматривать и титул «великий эркин», употребленный в отношении главы байырку в памятнике в честь Кюль-тегина [Малов, 1951, с. 41]. Тем не менее считаем необходимым подчеркнуть, что исконная территория байегу/байырку располагалась в основном в пределах современной Баргузинской долины, простираясь, возможно, на юг до бассейна Уды, на запад – до низовьев Селенги.

Однако в источниках начала XVII в. в Прибайкалье не зафиксировано сколько-нибудь значительных групп населения, именуемых баргутами. Зато среди баргузинских эвенков бытуют легенды и предания о проживавших в Забайкалье в прошлом баргутах (хорчин, солон, монгол-баргутах). Сохранилась также память о т.н. баргутских канавах и предметах старины, связываемых с баргутами.

Важным представляется вопрос о причинах и времени ухода баргутов-хорчинов с ранее занимаемых земель. Согласно одним вариантам легенд, в долине начала расти береза, что баргуты восприняли как предзнаменование прихода белых людей и решили покончить с собой; согласно другим, они просто ушли, увидев появление наростов на березах. Поскольку подобные сюжеты весьма распространены, на их основании трудно сделать какие-то конкретные выводы. По мнению одних исследователей, баргуты ушли задолго до прихода русских, вероятнее всего, в результате столкновений с эвенками на почве землепользования [Шубин, 1973, с. 9–10]. Другие полагают, что хорчины начали покидать насиженные места непосредственно перед появлением русских, наслышанные об их лихоимстве [Востриков, Поппе, 1935, с. 10]. Вторая точка зрения представляется более реалистичной. Тунгусские племена, если их общая чис-

ленность по всей Баргузинской долине составляла в XVII в. примерно 880–1000 чел. [Шубин, 1973, с. 11], вряд ли могли представлять столь уж сильную угрозу для своих соседей, особенно с учетом различий в их хозяйственно-культурном типе, исключающих сколько-нибудь серьезные раздоры из-за земельных угодий. Разумеется, стычки были, но тунгусы, по их воспоминаниям, и «торговали с баргу. Хорошо было, пока не пришли много люча*» [Неупокоев, 1926, с. 30]. На вероятность того, что баргуты ушли непосредственно перед приходом русских или даже имели с последними какие-то кратковременные контакты, указывает распространение легенд о баргутах-аборигенах и среди русского населения Забайкалья [Тихонова, 2006, с. 115–129].

В пользу прибайкальского прошлого баргутов можно привести некоторые другие данные. Так, в шаманских призываниях старобаргутов есть обращения к хозяевам и духам таких мест, как Уйхан (т.е. о-в Ольхон), Бархан (священная гора в современной Баргузинской долине). Можно также отметить существование у них в прошлом интересного обычая ставить конское седло передом к северу, т.е. в сторону своей прародины.

Заслуживает рассмотрения и то обстоятельство, что старобаргутов еще называют чипчин-баргутами. Происхождение этого этнонима не совсем понятно. Предпринималась попытка связать его с именем одного из предводителей эхиритов – Чепчугая (Шэбшуухэй). Последний известен тем, что, не желая покориться русским, сражался до конца и предпочел заживо стореть в осажденной юрте. Такое предположение кажется не лишним основания. Имя князца Чепчугая, пользовавшегося, очевидно, достаточно большим влиянием, могли сохранить за собой некоторые группы его сородичей и потомков. Об этом свидетельствует, в частности, содержание баргузинской летописи под названием «История перекочевки в Баргузин в 1740 г. баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева» [Румянцев, 1956, с. 53]. Фамилия названного предводителя вполне сопоставима с именем легендарного князца. Видимо, не случайно именно прямые потомки Шибшеева основали со временем династию баргузинских тайшей.

По всей вероятности, кровопролитное сражение с участием улуса Чепчугая, имевшее место в 1641 г. и закончившееся в итоге крупным поражением верхоленских бурят [Серебрянников, 1915, с. 15–17], повлекло за собой бегство значительных групп местного населения. В эти события, вероятно, были вовлечены и обитатели Баргузинского края. Во-первых, они оказались на пути вероятного движения мигрантов на юг, в сторону Монголии. Во-вторых, и это

главное, Баргузинский и Верхоленский края с давних пор составляли единый этнокультурный регион.

Согласно имеющимся источникам, в Барге старобаргуты появились примерно в середине XVII в., причем непосредственно из пределов Халхи, где, как известно, к тому времени также складывалась весьма непростая политическая обстановка. А район Хулунбуира, оказавшийся временно на стыке интересов России, Маньчжурии, восточно-монгольских ханов, вплоть до 20-х гг. XVIII в. находился как бы в положении нейтральной территории, представляя удобное убежище для разных групп кочевников. К 1700 г. часть баргутов, перевалив через Хинган, приняла подданство Маньчжурского дома. В начале 30-х гг. XVIII в. в целях закрепления территорий Внутренней Монголии за Маньчжурией баргуты были переведены обратно вместе с группой дагуров, солонов, ороحوнов [Меньшиков, 1917, с. 36; Кормазов, 1928, с. 45].

Выводы

Итак, можно утверждать, что пребывание дагуров в Забайкалье примерно до середины XVII в. явилось одним из важных этапов в их этнической истории. К сожалению, ни точное время появления дагуров на данной территории, ни какие-либо подробности относительно их проживания там пока не известны. Необходимы дальнейшие изыскания в этом направлении.

Имеющиеся материалы дают основание для заключения, что именно выходцы из Баргузинской долины со временем составили основу т.н. старых баргутов (*хуучин барга*), проживающих в настоящее время на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Список литературы

- Бадагаров Ж.Б.** Дагурско-бурятские языковые связи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 3: Языки. Фольклор. Литература. – С. 11–15.
- Бадмаева Л.Б.** Современные монгольские языки северо-восточного ареала Центральной Азии // История и внешние связи бурятского языка. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 7–13.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 480 с.
- Большая советская энциклопедия.** – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1972. – Т. 7. – 606 с.
- Востриков А.И., Поппе Н.Н.** Летопись баргузинских бурят: тексты и исследования – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 75 с. – (Тр. Ин-та востоковедения; вып. 8).
- Дополнения к актам историческим.** – СПб.: Изд. Археогр. комиссии, 1848. – 556 с.

**Люча* (эвенк.) – русские.

- Зориктуев Б.Р.** Об этническом составе Западного Забайкалья, Предбайкалья во второй половине I – первой половине II тыс. н.э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 121–131.
- Коновалов П.Б.** Какие археологические памятники связаны с историей бурятского народа? // Проблемы истории Бурятии: тез. докл. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – С. 3–10.
- Кормазов В.А.** Барга. – Харбин: Эконом. бюро КВЖД, 1928. – 281 с.
- Краткая географическая энциклопедия.** – М.: Сов. энцикл., 1960. – Т. 1. – 563 с.
- Летописи селенгинских бурят:** Хроника убаши Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова / текст издал Н.Н. Поппе. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 56 с. – (Тр. Ин-та востоковедения; т. 12).
- Летописи хоринских бурят.** – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – Вып. 2: Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева / текст издал В.А. Казакевич. – 40 с. – (Тр. Ин-та востоковедения; т. 9).
- Малов С.Е.** Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.
- Малявкин А.Г.** Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 103–127.
- Малявкин А.Г.** Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1989. – 431 с.
- Меньшиков П.Н.** Краткий исторический очерк Маньчжурии. – Харбин: Изд-во журн. «Вестн. Азии», 1917. – 48 с. – (Вестн. Азии; № 2 (42)).
- Неупокоев В.** Большой шаман-кындыгыр (из преданий северо-байкальских тунгусов) // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 4/6. – С. 28–30.
- Нимаев Д.Д.** О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 144–166.
- Обручев В.А.** Селенгинская Даурия. – Л.: Троицко-Савский отд. РГО, 1929. – 208 с.
- Панкратов Б.И.** Даурский язык: Введение / публ. К.С. Яхонтова // Страны и народы Востока. – СПб., 1999. – Вып. 29. – С. 132–148.
- Поппе Н.Н.** Дагурское наречие. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 174 с. – (Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР; вып. 6).
- Птицын В.В.** Селенгинская Даурия. – СПб.: [Экон. типолит.], 1896. – 306 с.
- Рассадин В.И.** Историческая связь бурятского языка с языком баргутов // Цыбиковские чтения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 173–176.
- Рассадин В.И.** Особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским и монгольским языками // История и внешние связи бурятского языка. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 13–17.
- Рашид-ад-дин.** Сборник летописей. – М.: Наука, 1952. – Т. 1, кн. 1. – 220 с.
- Руквишников И.А.** Очерки хозяйственного быта бурят Селенгинской Даурии. – Иркутск: Селенг. аймач. испол. ком. Бурят-Монг. авт. обл., 1923. – 32 с.
- Румянцев Г.Н.** Баргузинские летописи. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1956. – 181 с.
- Сборник документов** по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 493 с.
- Серебренников И.И.** Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. – Иркутск: Изд. В.Ф. Хардина, 1915. – 80 с.
- Томорцэрэн Ж.** Баргын тухай товч тэмдэглэл // Монголын судлал. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1971. – Т. 8. – С. 203–220.
- Тихонова Е.Л.** Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 220 с.
- Тодаева Б.Х.** Дагурский язык. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1986. – 187 с.
- Хандсурэн Ц.** Дагуурын заншлын тухай тэмдэглэл // Туухийн судлал. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1974. – Т. 10. – С. 105–111.
- Худяков Ю.С.** Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 27–34.
- Цыбенов Б.Д.** О родовом составе дагуров // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: Батуевские чтения: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 21 апр. 2006 г.). – Улан-Удэ, 2006а. – С. 107–112.
- Цыбенов Б.Д.** Об этногенезе дагуров: историография проблемы // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. 18: Востоковедение. – 2006б. – Вып. 2. – С. 114–128.
- Цыбенов Б.Д.** Изучение этнического состава и этнонимии дагуров // Краеведение Приамурья. – Благовещенск, 2007а. – № 1. – С. 33–36.
- Цыбенов Б.Д.** Сведения о дагурах в русских источниках XVII в. // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: Батуевские чтения: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2007б. – С. 135–143.
- Цыдендамбаев Ц.Б.** Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.
- Шинэхуу М.** Орхон-Сэлэнгын руни бичгийн шинэ дурсгал // Археологийн судлал. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1980. – Т. 8. – С. 22–44.
- Шубин А.С.** Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 108 с.
- Юдахин К.К.** Киргизско-русский словарь: в 2 кн. – Фрунзе: Гл. ред. Кирг. сов. энцикл., 1985. – Кн. 1. – 504 с.